

Известия Южного федерального университета.
Филологические науки. 2025. Том 29, № 4
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Научная статья

УДК 82-31

ББК 83

<https://doi.org/10.18522/1995-0640-2025-4-95-106>

САЛЬСКИЕ ГЛАВЫ В РОМАНЕ В. КАВЕРИНА «ОТКРЫТАЯ КНИГА»

Алла Романовна Лисица

Федеральный исследовательский центр Южный научный центр
Российской академии наук, Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация. Анализируется поэтика сальских глав романа В. Каверина «Открытая книга». Степное пространство в романе изображается традиционно для русской классической литературы: перед читателем разворачивается образ широкой и просторной степи. В художественном мире романа степь выполняет функцию инициационного пространства, в котором главная героиня взрослеет в профессиональном, научном, личностном отношении. Характерная для отечественной прозы модель степного пространства испытания соединяется в каверинском романе с соцреалистическим пафосом: в степи человек борется с природой во имя трудового подвига. Кроме того, сальские главы обладают жанровыми признаками производственного романа. Выясняется, что одним из претекстов романа «Открытая книга» можно считать сборник путевых рассказов В. Каверина «Пролог», опубликованный после поездки писателя в Сальские степи 1930 г.

Ключевые слова: Каверин, «Открытая книга», степь, степной текст, производственный роман

Благодарности: публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН на 2025 г., № гос. рег. 125011200150-2.

Для цитирования: Лисица А. Р. Сальские главы в романе В. Каверина «Открытая книга» // Известия ЮФУ. Филол. науки. 2025. Т. 29, № 4. С. 95–106. <https://doi.org/10.18522/1995-0640-2025-4-95-106>

Original article

CHAPTERS ON SALSK IN THE NOVEL BY V. KAVERIN “THE OPEN BOOK”

Alla R. Lisitsa

Federal Research Centre The Southern Scientific Centre of the Russian Academy
of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation

Abstract. The article offers an analysis of the poetics chapters about Salsk town of the novel “The Open Book” by V. Kaverin. The steppe space in the novel is traditionally depicted for Russian classical literature: unfolds an image of a wide and spacious steppe unfolds before the reader. The steppe serves as an initiation space in which the main character matures in professional, scientific and personal relationships in the artistic world of the novel. The model of the steppe space of trial, which is characteristic for the national prose, is combined in the Kaverin’s novel with a social-realistic pathos: in the steppe man fights with nature in the name of labor feat. In addition, chapters on Salsk have the genre characteristics of the industrial novel. It becomes clear that one of the pretexts of the

novel “The Open Book” can be considered a collection of travel short stories, “The Prologue” by V. Kaverin, published after the writer’s trip to the steppes of Salsk-town in 1930.

Key words: *Kaverin, “The Open Book”, steppe, steppe text, industrial novel*

Acknowledgements: the publication was prepared as part of the implementation of the state assignment of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences for 2025, No. 125011200150-2.

For citation: Lisitsa, A. R. (2025). Chapters on Salsk in the novel by V. Kaverin “The Open Book”. *Proceedings of Southern Federal University. Philology*, vol. 29, no. 4, pp. 95-106. (In Russian). <https://doi.org/10.18522/1995-0640-2025-4-95-106>

Введение

На первый взгляд кажется, что художественная литература юга России и творчество В. Каверина далеки друг от друга. Имя писателя принято ассоциировать с малой родиной — Псковом, Ленинградом, где он провел молодые годы, Москвой и Переделкино, где прошел зрелый этап его жизни. Удивительно, но у двух самых знаменитых каверинских произведений — «Два капитана» и «Открытая книга» — есть южные пересечения: их герои отправляются в Сальские степи. Валька Жуков в журнальной версии романа «Два капитана» летом 1933 г. вместо Севера отправляется в Сальск для научной работы: «Мне вежливо сообщили — из лаборатории профессора М., что ассистент Жуков находится в Сальских степях и едва ли вернется в Москву...» [Каверин, 1939, с. 38]. Татьяна Власенкова, главная героиня романа «Открытая книга», работает врачом в одном из сальских зерносовхозов.

В романе «Открытая книга» можно выделить два значимых для повествования южнорусских топоса — это Сальские степи, в которых расположился «Зерносовхоз-5», где проходят первые годы медицинской практики Тани Власенковой, и Ростов-на-Дону, позиционирующийся как университетский город, в котором изучаются проблемы эпидемиологии. Это не авторская выдумка — там действительно активно развивалась эта область науки, существовала своя научная школа: «Большим достижением института (при участии кафедр медицинского института и практических учреждений здравоохранения) явилась ликвидация в 1922–1927 годах крупнейшей в стране эпидемии брюшного тифа, а также длительного очага холеры в Ростове, зарегистрированного в начале 20-х годов прошлого столетия» [Попова, Ковалев, Твердохлебова, 2022, с. 28].

Появление Ростова-на-Дону в «Открытой книге» обосновано не только обращением автора к биографии Зинаиды Ермолевой в качестве прототипа Татьяны Власенковой, что широко известно, но и ростовским этапом жизни старшего брата писателя — Льва Зильбера, основоположника отечественной вирусологии, в котором, конечно, угадываются черты Мити Львова. В мемуарной книге «Освещенные окна», где Каверин рассказывает о детстве и молодости, огромную роль он отводит образу брата, размышляя над его профессиональным выбором и непростым научным путем. Лев Зильбер стремился попасть в Ростов-на-Дону, где была возможность серьезно заниматься микробиологией, мечтал о работе в лаборатории: «Совсем рядом был Ростов-на-Дону, большой университетский город. Кафедрой микробиологии руководил известный ученый профессор В. А. Барыкин. С тех пор как Лев узнал об этом, одна мысль неотступно тревожила его: как попасть к Барыкину? Или хотя бы в Ростов, где была лаборатория Санитарного управления фронта?» [Каверин, 1983, с. 348]. В конце концов старший брат писателя сменил свою должность начальника санитарной дивизии на лаборантскую и отправился в Ростов заниматься наукой. Ростовские эпизоды жизненного пути Мити Львова в чем-

то совпали с биографией Льва Зильбера: Митя служил в Ростове-на-Дону в качестве военного врача во время Гражданской войны, а после разрыва с Глафирой Сергеевной переехал в Ростов и вел там научную работу. Интересная деталь: в Ростове Митя жил на бульваре, окруженном липами и фонарями (по всей видимости, на ул. Пушкинской): «Не помню названия улицы, на которой он жил, помню только, что окна комнаты выходили на бульвар, по которому до поздней ночи гуляли молодые ростовчане» [Каверин, 1981, с. 424].

Если Ростову-на-Дону в «Открытой книге» посвящены только отдельные упоминания, то Сальские степи становятся в романе значимым топосом: этому этапу жизни главной героини отводится глава с разбивкой на подглавы. Документальная основа сальских глав романа — личные впечатления писателя после поездки в знаменитый зерносовхоз «Гигант», состоявшейся летом 1930 г. В те годы тема социалистического строительства находилась в зоне повышенного внимания литераторов. В Сальские степи едут многие известные авторы, среди которых и «главный пролетарский писатель» М. Горький, побывавший в совхозе «Гигант» в 1929 г. «Бесчисленные писательские бригады разъезжали по стране на переломе двадцатых — тридцатых годов, — отмечает Каверин, — по колхозам, совхозам, на Турксиб, Сельмашстрой, Сталинградский тракторный и т. д.» [Каверин, 2006, с. 106].

Поездку в совхозы писатель рассматривает для себя прежде всего как возможность приблизиться к жизненному материалу, уйти от «книжности», в которой Каверина постоянно упрекает критика. В начале 1930-х гг. Каверин находится в поиске своего художественного метода, переходит от фантастики к реалистической прозе. Позади «Серрапионовы братья», уже опубликованы романы «Девять десятых судьбы» (1926), «Скандалист, или Вечера на Васильевском острове» (1926), но до произведений, ставших знаковыми во всем его творчестве, еще далеко: впереди «Исполнение желаний» (1934–1936), «Два капитана» (1938–1944), «Открытая книга» (1948–1956), «Перед зеркалом» (1972). Прогнозы оправдываются: в мемуарах писатель отмечает, что его поездка в «Гигант» «оказалась двойным открытием — открытием новых людей в новых, еще небывалых обстоятельствах и открытием собственной возможности писать об этих людях» [Каверин, 1983, с. 228].

Путевые рассказы (так определяет их жанр сам автор) «Степь», «Грязь», «Бой-Страх», «Чечевица», «Табор», «Суховей», «Дорога», «Нигрол», «Последняя ночь» и «Возвращение», написанные в поездке по Сальским степям и опубликованные в журнале «Звезда», Каверин объединяет в книгу «Пролог» (1931). «Наступление на косный мир сложившейся в течение веков деревенской жизни, борьба за сознание крестьянина, остановившегося в изумлении перед тем, что совершили люди „Гиганта“, вот тема этой маленькой, но очень дорогой мне книги», — так определяет писатель содержание «Пролога» [Цит. по: Старосельская, 2017, с. 117]. Однако критика принимает каверинские рассказы в штыки, обвиняет его в формализме, отсутствии идейности: «...в совхозах ... не увидел ничего, кроме поднятой степной целины, механизмов и двух-трех скабрзных сцен» [Старчаков, 1931, с. 3]; «Грубейшей ошибкой журнала является напечатание „Пролога“ В. Каверина, явно извращающего советскую действительность в показе строительства работы советских зерносовхозов» [Рубаковский, 1931, с. 2]. После разгрома «Пролога» Каверина перестают печатать на некоторое время.

После распада СССР «Пролог» не переиздается, а в советское время насчитывается только два издания этих рассказов: как самостоятельная книга (1931) и как часть избранных произведений (1963). Тем не менее и читателю,

и исследователю стоит обратить внимание на это малоизвестное произведение писателя — как минимум потому, что этот сборник путевых рассказов стал источником материала при создании последующих каверинских текстов. Сальские степи оставили особенный след в каверинских воспоминаниях: их «образ ... преследовал Вениамина Александровича на протяжении десятилетий» [Старосельская, 2017, с. 121]. Впечатления писателя после поездки в зерносовхоз «Гигант» действительно были сильными: кроме «Пролога», Сальские степи фигурируют в романах «Открытая книга», «Художник неизвестен», статье «Несколько лет», журнальной версии романа «Два капитана».

Исследование и его результаты

Особенно очевидны пересечения «Пролога» именно с «Открытой книгой»: можно даже сказать, что между ними устанавливаются паратекстуальные отношения. Кроме того, что оба произведения описывают одинаково специфические реалии времени и местности (перловый суп, который называется в таборе «супом с голубыми глазками», песня «Не плачь, подруженька», устойчивое для тех лет сравнение комбайнов с кораблями и т. д.), из намеченных в «Прологе» характеров вырастают образы второстепенных персонажей сальских глав «Открытой книги».

Колоритный образ Бой-Страха, чьи грейдеры соорудили дорогу в рассказе «Суховей», превращается в не менее колоритный образ начальника дорожной бригады Данилы Степановича Репнина в «Открытой книге». Герой-рассказчик в очерке «Суховей» подчеркивает трепетное отношение Бой-Страха к объекту своего труда, который дорожный инженер способен одушевить, оживить: «Я вспомнил о Бой-Страхе и пожалел, что его нет со мной. Какую речь он произнес бы теперь, только один раз взглянув на эту дорогу! Он расказал бы о ее характере, наклонностях и недостатках. Он бы нюхал ее, трогал руками. Он бы ругал ее, и она лежала бы у его ног, как собака...» [Каверин, 1931, с. 60]. Кажется, что в «Открытой книге» эта интенция героя-рассказчика получает свое развитие, когда Данила Степаныч рассказывает, какое место в его жизненной философии занимают дороги: «Мой отец был стрелочником, и я, бывало, лежу ночью, прислушиваюсь к паровозным свисткам и думаю: „Дорога. Куда она ведет, кто ее провел?“. Мальчишкой, куда ни пойду, домой непременно возвращаюсь другой дорогой. Над географической картой часами сидел, все прикидывал, сколько дорог проложено по земле, по воде, прежде чем составилась эта карта! Сколько трудов положено! На звезды, бывало, засмотришься, опять думаешь: „А ведь и туда ведут дороги“» [Каверин, 1981, с. 315–316]. В очерке «Суховей» есть эпизод, в котором девушка проявляет к Бой-Страху романтический интерес, но герой не обращает на нее никакого внимания, потому что искренне любит жену. Герой-рассказчик описывает поклонницу Бой-Страха так: «Черноглазая девушка, худенькая, замученная жарой (мне сразу запомнились ее скромные матовые глаза), принесла нам шесть стаканов чаю» [Каверин, 1931, с. 41]. Сравним со сценой из «Открытой книги»: «Я слышала, как черноглазая подавальщица, худенькая, замученная жарой, бледневшая и красневшая, когда в столовую приходил Репнин, спросила о нем техника дорожной бригады...» [Каверин, 1981, с. 317]. Провозглашенная Бой-Страхом «монокультура», выразившаяся в краткой формуле «Я люблю жену...», по нашим предположениям, вырастает в горячую преданность Репнина Машеньке Спешневой, трансформируется в любовную линию между этими персонажами, зародившуюся именно со стороны героя, а не ге-

роини. При этом подчеркивается преданность, безусловность любви именно Данилы Степановича к Маше, а не наоборот.

Какие-то эпизоды из жизни «Зерносовхоза-5» в «Открытой книге» явно заимствуются из жизни «Зерносовхоза-3» в «Прологе». Например, Таня Влащенко лечит тяжело заболевшего бригадира Шурхина, который чувствует ответственность за то, что не может решить проблему с машинным маслом: «Вместо автола прислали другое, негодное масло, с которым невозможно было работать» [Каверин, 1981, с. 322]. Похожий случай описывается в очерке «Нигрол», герои которого озабочены тем, что вместо моторного масла прислали нигрол, неподходящий для работы. В очерке «Суховей» Каверин развешивает тему вредительства — подрыва уборочных работ в зерносовхозе: «Ну, теперь совещкой власти крышка, — бодро сказал дед, — хлеб сгорел, сейчас же голод, бунт» [Каверин, 1931, с. 45]. Используя донские диалектизмы, этот персонаж рассказывает, как землю специально пропитывают керосином, чтобы устроить пожар в любой удобный момент. После пылкой речи этого героя принудительно бреют в отместку: «Дед был выбрит наконец и оказался разбойником. У него был *тяжелый подбородок, большая челюсть* (здесь и далее курсив наш. — А. Л.)» [Каверин, 1931, с. 48]. Сравним с эпизодами из «Открытой книги», где героиня-рассказчица публично обращается к снопоносам с речью против вредительства: «Кажется, я довольно удачно срезала какого-то *толстомордого*, который сунулся из толпы и крикнул: — Чего уши развесили? Или еще не надоело этих *балакирей* слушать?» [Каверин, 1981, с. 324]. Оказывается, что в романе идет речь и о странном пожаре, произошедшем в зерносовхозе: «От *неизвестной причины загорелся* сухой навоз, перемешанный с соломой и находившийся подле лесного склада. Степной *пожар* начался рядом с эстакадами, на которых лежало зерно, и ветер погнал огонь прямо на эстакады» [Каверин, 1981, с. 321].

Сальские главы, повествующие о работе главной героини в зерносовхозе, открываются цитированием «Гренады» М. Светлова, которую все время напевает механик Бородулин. В эпизоде первой встречи героини-рассказчицы с Сальскими степями и людьми, её возделывающими, подчеркивается, что «Гренада» становится лейтмотивом окружающего Таню пространства: «...мне начинает казаться, будто во всем, что я вижу и слышу, незаметно участвует эта простая мелодия» [Каверин, 1981, с. 285–286]. Описывая личность инженера Репнина, героиня-рассказчица уже сама цитирует Светлова, проводя параллель между своим новым знакомым и героем «Гренады», отмечая присущую обоим вдохновенность: «...хату покинул, / Пошел воевать, / Чтоб землю в Гренаде / Крестьянам отдать» [Каверин, 1981, с. 286]. Включение Каверинным в текст романа знаменитых строк «Гренады», в которой Светлов «опирается на героико-романтическую традицию», «апеллирует к уже существующему мощному романтическому ореолу ... четырехстопного амфибрахия» [Михайлик, 2005], создает у читателя соответствующее восприятие событий и ключевых образов главы «В зерносовхозе».

Время от времени в сальских главах «Открытой книги» пробивается голос приключенческого повествования. Палатки, стоящие в пустынной степи, сравниваются с корабельными парусами. «Время от времени легкий экран дрожал под ветром, налетавшим из степи, и тогда начинало казаться, что мы с Андреем *плывем под парусом*» [Каверин, 1981, с. 298]. Заведующий сальским райздравом напоминает героине-рассказчице, по её собственному признанию, моряка из романов приключений: «Потом, когда мы познакомились ближе, я сказала ему, что мне все мерещилось, что он сейчас скажет: „Свистать всех

наверх“, и все полезут куда-то наверх и будут торопливо делать что-то морское» [Каверин, 1981, с. 298]. Интересно, что в повествование о сельскохозяйственных работах в сальских степях включены образы капитанов: «Окутанные пылью „корабли“ ходили в полях, штурвальные стояли на высоких мостиках, как *капитаны*, и бесконечное — так оно называется — полотно убегало, стуча, и возвращалось, подхватывая срезанную пшеницу» [Каверин, 1981, с. 323].

«Пролог» открывается эпиграфом из «Песни Мирязя» В. Хлебникова. По признанию Каверина, создавая эти путевые очерки, он стремился отказаться от излишней литературности, тем самым избавившись от главного упрека критики в его адрес, и поэтому не стал выводить образ поэта в тексте. Но в автобиографической прозе Каверина есть упоминание, что степное пространство у писателя ассоциируется с Хлебниковым, который смог бы увидеть и понять связь между эпохами, обнажившуюся при распахке скифских курганов, легко встроиться в «дикий» быт тех, кто возделывал степь: «Между тем он стоял перед моими глазами весь жаркий конец лета, который мы провели в „Гиганте“ и в будущем Зернограде. Я видел его бредущим по сероватой, ровной, как бы припудренной степи, на которой то и дело встречались каменные бабы, добрые, с большими отвислыми грудями и тонким сохранившимся пунктиром украшений на выщербленных шеях. Кто, если не он с его бескорыстием, с его страстью к математическому пророчеству, нашел бы свое место в любом таборе — так назывался в ту пору в „Гиганте“ совхозный участок. Ему не пришлось бы привыкать к походному образу жизни, к тесным, полутемным фургонам, в которых жили рабочие, — ведь он считал, что человечество должно жить в комнатах,двигающихся непрерывно. Как и они, он ходил бы в соломенной пастушеской шляпе, без рубахи, босой. Поэт, зорко и пристально заглянувший в Древнюю Русь, он, может быть, нашел бы исконные черты в этом новом кочевье» [Каверин, 1983, с. 228–229]. Вполне возможно, что при другом художественном решении Каверина Таня Власенкова могла бы если не увидеть образ Хлебникова, гуляющего по Сальским степям, то процитировать строки из его произведений.

При проявлениях «литературности» писательского сознания Каверину вполне удастся приблизиться к достоверному изображению южной жизни 1930-х г. Не только местные реалии, но и портреты его второстепенных южных героев выписаны с особым вниманием к их языку. В сальских главах читатель сталкивается с лексикой, характерной для донских казачьих говоров: трактористка Клава Борисова использует слово «кирлыга» — так называли длинную палку с крючком на конце для ловли овец за ногу [Большой толковый словарь донского казачества, 2003, с. 215]; выступающий против коллективизации герой возмущается и называет агитаторов «балакирями», т. е. пустословами [Большой толковый словарь донского казачества, 2003, с. 33]. В романтическом разговоре, который слышится главной героине в степи, парень по-украински обращается к своей возлюбленной, называя её «серденько».

В изображении степного пространства Каверин скорее продолжатель традиций, чем новатор. Степь в романе «Открытая книга» наделяется привычными отечественному читателю характеристиками. Образ широкой степи, по мнению М. В. Строганова, становится штампом сразу после своего первого употребления в литературе: «Если появляется в тексте существительное *степь*, то оно неизбежно склоняется, значит, рядом с ним возникают — уже не как прилагательные, а как флексии — слова *широкая*, *привольная* и *просторная*» [Строганов, 2009, с. 25]. Каверинский роман воспроизводит этот же сте-

реотип. Действительно частотной в «Открытой книге» является связка степное пространство — простор, пустота: «Степь и степь — куда ни бросишь взгляд! Скучная...» [Каверин, 1981, с. 285]; «...дома стоят в необозримой степи» [Каверин, 1981, с. 287]; «...отсветом, сверкающим в пустынной степи» [Каверин, 1981, с. 322]; «...на ровной, пустынной поверхности степи» [Каверин, 1981, с. 287].

Во время суховея — типичного для степи ветра с высокой температурой и низкой влажностью — степное пространство в «Открытой книге» и вовсе трансформируется в пустыню. В описании Сальских степей героиня-рассказчица несколько раз упоминает песок, не оседающий на землю, испепеляющее солнце: «Это было нечто вроде горячего дыхания — очень сильного, равномерного, не прекращающегося ни днем, ни ночью. Солнце было маленькое, страшное, без лучей, как во время затмения, когда на него смотрят сквозь закопченные стекла [Каверин, 1981, с. 319]. Степная пустыня не остывает даже в ночное время суток: «Откроешь окно, и войдет в комнату горячее дыхание песчаных пустынь. Суховей несется по дорогам и без дорог, шагает по крышам, треплет палатки, входит вместе с людьми в их дома, врывается в их короткие, беспокойные сны» [Каверин, 1981, с. 325]. Более того, главная героиня сталкивается с тем, что видит в степи присущее пустыне явление природы — мираж: «Вода показалась вдали, не то река, не то озеро, с металлическим отсветом, сверкающим в пустынной степи. За нею, на плоском берегу, показались хаты, отчетливые, с дымками из труб, с откинутыми ставнями. Это был мираж, и чем ближе я подъезжала к призрачному селу на берегу реки, тем все дальше оно уходило от меня...» [Каверин, 1981, с. 322]. В пору суховея животный мир степи кажется главной героине крайне бедным: «Лошадь едва плелась, степь была желто-серая, обожженная, пустая, только кузнечики прыгали крест-накрест да тяжело взлетали и падали в траву пугливые, осторожные дрофы» [Каверин, 1981, с. 321].

Функционально степь становится в «Открытой книге» пространством испытания, инициации персонажей. «Степь — это пространство „перехода“, пустынное место, где человек оказывается один на один с природой, с собой, с Богом» [Ларионова, 2006, с. 191]. «...Хотя „лес“ и „степь“ совместно выражают идею необъятной пространственности России, именно „степная составляющая“ этого единого пространственного континуума в большей степени связана с „переходностью“» [Беляева, 2009, с. 59]. Сальские главы тесно связаны со становлением главной героини в качестве практикующего врача, самостоятельно принимающего решения, полностью ответственного за жизнь своих пациентов. В зерносовхозе Таня Власенкова спасает умирающую после падения с лесов девушку Лушу, повредившую руку трактористку Клаву Борисову, лечит механика Бородулина от «холеры», борется с местным начальством за то, чтобы оборудовать медпункт. «Теперь вы доктор, не то что прежде», — говорит о Тане Власенковой встретившая её спустя время Маша Спешнова. Кроме того, именно в этих главах происходит не только профессиональная, но и научная инициация Тани Власенковой: в самостоятельно созданной из подручных материалов лаборатории в зерносовхозе случается её первое открытие — светящиеся вибрионы. Это становится ключом к разгадке природы целебных свойств плесени: «Товарищи, я, кажется, поняла, в чем дело!», — восклицает главная героиня после того, как вспоминает о своих сальских экспериментах [Каверин, 1981, с. 467]. Работа в Сальских степях — важное для рассказчицы время, и она это сознательно подчеркивает: «Все эти годы я следила за жизнью „Зерносовхоза-5“ — и не только по газетам. Старые друзья не

забыли обо мне, писали, хотя и не особенно часто <...>. Меня давно тянуло в зерносовхоз, где были проведены такие трудные, но хорошие годы» [Каверин, 1981, с. 426]. Такое прочтение подсказывает структурная организация романа. «Открытая книга» делится на три части: первая называется «Юность» и оканчивается тем, что Таня выпускается из института, вторая — «Поиски», повествование которой сосредоточено на перипетиях научного пути главной героини, а третья — «Надежды», рассказывающая об аресте Андрея и его возвращении. Глава «В зерносовхозе» как раз и открывает вторую часть романа.

Кроме того, южные города и Юг в целом ассоциируются в «Открытой книге» с развитием любовной линии. Романтические зарисовки сальских глав «Открытой книги» связываются с пространством степи: «Вот я еду куда-то, не знаю с кем. С тем, кого я люблю. Тихо вокруг, мягкий ветер клонит траву, бесшумно ходит над степью. Мы едем — куда? Не все ли равно! Лишь бы долго еще старый возница бормотал свою протяжную песню да мягкие фонтанчики пыли вылетали из-под копыт. Лишь бы долго еще справа и слева от нас проплывали высокие душистые травы и совы, мигая слепыми глазами, сидели на телеграфных столбах» [Каверин, 1981, с. 332–333]; «Потом орган запел торжественно и нежно, и это была ночь в степи, когда мы до рассвета бродили с Андреем и где-то далеко горела стерня, и ветер гнал на нас легкий дым, освещенный зарею» [Каверин, 1982, с. 156]. Степь не только предстает перед читателем пространством испытания, но и служит отправной точкой для развития романтических отношений: «...эта песня „Не плачь, подруженька“, то приближавшаяся, то удалявшаяся, — трактористы с деревенскими девушками гуляли в степи. И то, что внизу, у подъезда, кто-то ласково сказал: „Ну, серденько, до завтра“, — и женщина засмеялась и ответила певуче: „До завтра!“» [Каверин, 1981, с. 313].

Именно в сальских главах главная героиня приобретает уверенность в своих чувствах к Андрею: его образ чудится Тани в окружающих, она переживает, что он нашел другую. Внезапная встреча Тани Власенковой и Маши Спешновой в зерносовхозе порождает развитие любовной линии как главных героев (Таня — Андрей), так и второстепенных (Маша — Репнин). Кстати говоря, примерно ту же сюжетную схему Каверин использует в «Двух капитанах», где Саня Григорьев случайно встречает на Севере Вальку Жукова и тот соединяет главных героев, сообщая другу новость: Ромашов хочет жениться на Кате. Герои расписываются в сальском загсе и отправляются в свадебное путешествие по югу России. Трагическая история любви Павла Петровича и Ольги Кречетовой тоже имеет привязку к югу: «Вот они встречаются в Геническе, в Азове, все в *маленьких южных городах*, где никто не находит странными эти радостные и печальные встречи» [Каверин, 1981, с. 224–225].

Степь в сальских главах «Открытой книги» — это активно осваиваемое героями пространство: в романе находит отражение тема социалистического строительства. Сальские главы напоминают мини-версию производственного романа, включенного в общее повествование «Открытой книги». Здесь читатель встречает его традиционные элементы: и соцреалистический конфликт между сознательным ученым-протагонистом и бюрократическим антагонистом (вспомним эпизоды, где Таня Власенкова отвоевывает современное обустройство медпункта у директора зерносовхоза Ивана Ивановича), и культивируемый пафос труда и преобразования (главная героиня осознает ценность труда работников зерносовхоза в сложных природных условиях), и характерный прием в изображении «отстающего» героя, который несет на себе отпеча-

ток прошлой России (говор героя-вредителя явно отсылает к дореволюционному прошлому Юга).

Переходность, временная неустроенность жизни ощущается главной героиней во всем: «Я сплю, а надо мной строят дом. Торчат железные прутья, под ветром раскачиваются фонари, и люди в грязных фартуках стоят над всем этим железным, бетонным хозяйством с полными забот руками» [Каверин, 1981, с. 287]. зерносовхоз, раскинувшийся в степи, производит на главную героиню впечатление не города и не деревни одновременно. «Полно, да в деревне ли я? Трехэтажные дома стоят в необозримой степи. Сегодня утром я видела, как длинный, нескладный садовник вбивал колышки на площади перед управлением и сердился, когда тракторы наезжали на его будущий сад. За машинным парком шумит, качая воду, катерпиллер в пятьдесят лошадиных сил. Днем он почти не слышен, а ночью шумит, как прибор. Длинный ряд домиков, построенных из ящиков, в которых пришли из Америки тракторы, тянется через весь Главный Хутор — это проспект Коммуны, будущая центральная улица „Зерносовхоза-5“. А там, в поле, дымятся походные кухни, трепещут под осенним ветром палатки, в зеленых фургончиках спят коротким, тревожным сном трактористы, комбайнеры. Нет, я не в деревне! И не в городе» [Каверин, 1981, с. 287–288]. В Сальские степи главная героиня снова попадает только через пять лет и обнаруживает там уже устроенную, благополучную жизнь: её встречают больница вместо медпункта, метеостанция вместо хаты чабанов, домики со сверкающими белыми крышами вместо палаток.

Суровые природные условия становятся фоном, подчеркивающим трудовой подвиг окружающих героиню людей. Время суховея в степи сравнивается героями с концом света: «А пыль оставалась пылью, а маленькое красное солнце палило с той же беспощадной силой, а суп по-прежнему был пополам с песком, а суховея по-прежнему нагонял сорок градусов в тени, и дышать по-прежнему было нечем. — Ну что, Татьяна? Похоже на конец света? — невесело спросил меня Репнин» [Каверин, 1981, с. 319]. Чтобы урожай не погиб от суховея, героям нужно убирать его в полтора раза быстрее: «Это значило, что нужно было в полтора раза быстрее отремонтировать машины, подвозить горючее, отправлять зерно на элеватор и делать еще тысячу разнообразнейших дел, из которых состояла жизнь комбайнеров, механиков, трактористов» [Каверин, 1981, с. 319]. В этих сложных условиях трудятся люди степи: «...езде, не зная ни сна, ни отдыха, работали люди — в жаре, в духоте, в красноватой пыли, покрывавшей лица так плотно, что стоило поднять глаза, и как будто дымок слетал с покрасневших век» [Каверин, 1981, с. 323]. В сальских главах появляется еще один «главный герой» — хлеб: «Огромный урожай пшеницы созрел на двадцати тысячах гектаров „Зерносовхоза-5“, и все, от мала до велика, думали, говорили и заботились только об урожае» [Каверин, 1981, с. 303–302]. Героями чувствуется величие, масштабность роли хлеба в их общей жизни: «Это были дороги, по которым река пшеницы должна была политься к элеваторам и станциям железных дорог» [Каверин, 1981, с. 304]; «Проложенные бригадой Репнина, неустоявшиеся „молодые“ дороги дрожали под тяжестью груженых зерном машин» [Каверин, 1981, с. 323].

Если в «Прологе» герой-рассказчик занимает позицию наблюдателя и старается следовать за теми, кто ему интересен, то в «Открытой книге» героиня-рассказчица сама включается в процесс преобразования окружающего мира и ощущает общность своей судьбы и судьбы страны. Бытовое оказывается историческим, локальное переходит в разряд глобального: «Мне показалось сперва немного странным, что этот внимательный человек с белыми узкими

руками экспериментатора, запомиравшимися с первого взгляда, так подробно расспрашивает меня об организации медпункта в зерносовхозе, и не только расспрашивает, но от души удивляется тому, что кажется мне таким обыкновенным! Потом мне стало ясно, что для Лаврова я была не только новым человеком в институте, но *отчасти представительницей того необозримого нового, что происходило в жизни страны*», — подытоживает героиня-рассказчица [Каверин, 1981, с. 344]. «Можно сказать, что в романах Каверина в какой-то мере реализуется именно та гармония, по которой тосковал герой „Зависти“ Ю. К. Олеси, — совмещение личной мечты, индивидуальной героики в старом духе с причастностью новому, коллективистскому, технологически и социально преобразуемому миру», — пишет Ю.К. Щеглов о «Двух капитанах» и «Открытой книге» [Щеглов, 2012, с. 441].

Заметим, что у романа «Открытая книга» самая сложная публикационная судьба из всех каверинских произведений. Этот факт отмечал сам писатель: «Мне не привыкать было к оплевыванию, швырянию камнями, замаскированным или прямым политическим доносам в печати. Но ни одна из моих книг еще не была удостоена такого внимания» [Каверин, 2006, с. 266]. Вторая часть романа, которую в критике посчитали самой слабой составляющей трилогии, по его признанию, писалась «с чувством „неодиночества“» [Каверин, 2006, с. 451]. В последующих изданиях романа Каверин восстанавливал искаженный цензурой текст второй части, опубликованной в 1952 г. в журнале «Новый мир».

Сложно судить, что действительно сыграло ключевую роль для Каверина в изображении Сальских степей как пространства трудового подвига: реальные впечатления очевидца работы совхозов, конъюнктурные усилия, предпринятые для печати «Открытой книги», или все эти факторы вместе. В любом случае прочтение «Открытой книги» как романа, рассказывающего о пути советской женщины-ученого, произведения эпического, разворачивающего перед читателем картину жизни СССР 1920–1950-х, невозможно без осмысления поворотных точек в истории государства. Вслед за Ю. К. Щегловым мы считаем, что «...следовало бы, отрешившись от снобизма и партийности, отнести к явлениям этого ряда как к ценной культурной парадигме прошлого, вполне заслуживающей рассмотрения „в ее собственных терминах“» [Щеглов, 2012, с. 469].

Заключение

Таким образом, в сальских главах романа «Открытая книга» воспроизводится традиционный для русской классической литературы стереотип о широкой, просторной степи. Степь становится символическим пространством для реализации сюжета испытания как индивидуального — через инициацию главной героини, так и коллективного — через трудовой подвиг второстепенных персонажей. Степь в сальских главах характеризуется переходностью, амбивалентностью: это уже не дикое поле, но и еще не до конца освоенное цивилизацией пространство. Романтическое восприятие окружающей главную героиню обстановки в Сальских степях обеспечивает повторяющееся цитирование стихотворения М. А. Светлова «Гренада», вплетенные в повествование метки дискурса приключенческой литературы. Несмотря на явную сосредоточенность на событиях жизни главной героини, сальские главы могут быть прочитаны с точки зрения канонов производственной литературы: её стереотипы поддерживаются, но при этом остаются на периферии читательского внимания. В изображении самобытности Сальских степей и её жителей, их

уникальных черт Каверину помогает собственный литературный опыт: в «Открытой книге» писатель очевидно переосмысляет героев, сюжеты, художественные детали рассказов, вошедших в книгу «Пролог». В романе Каверину удается органично соединить традицию русской классической литературы в изображении степного пространства с соцреалистической патетикой.

Список источников

Беляева И. А. Степь в структуре пространства прозы Тургенева и Гончарова // Степь широкая: пространственные образы русской культуры: материалы Междунар. науч. конф. (Курск, 27–29 июня 2008 г.). Курск: КГУ, 2009. С. 59–66.

Большой толковый словарь донского казачества: ок. 18 000 слов и устойчивых сочетаний / редкол.: В. И. Дегтярев и др. М.: АСТ, 2003. 608 с.

Каверин В. А. Два капитана // Костер. 1939. № 38. С. 36–47.

Каверин В. А. Пролог. М.; Л.: Гос. изд-во худож. лит., 1931. 86 с.

Каверин В. А. Собр. соч.: в 8 т. М.: Худож. лит., 1981. Т. 4. 479 с.

Каверин В. А. Собр. соч.: в 8 т. М.: Худож. лит., 1982. Т. 5. 510 с.

Каверин В. А. Собр. соч.: в 8 т. М.: Худож. лит., 1983. Т. 8. 463 с.

Каверин В. А. Эпилог. М.: Вагриус, 2006. 571 с.

Ларионова М. Ч. Миф, сказка и обряд в русской литературе XIX века. Ростов н/Д: Изд-во Ростовского ун-та, 2006. 256 с.

Михайлик Е. «Гренада» Михаила Светлова: откуда у хлопца испанская грусть? [Электронный ресурс] // Новое литературное обозрение. 2005. № 5 (75). URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2005/5/grenada-mihaila-svetlova-otkuda-u-hlopca-ispanskaya-grust.html> (дата обращения: 27.06.2025).

Попова А. Ю., Ковалев Е. В., Твердохлебова Т. И. Зинаида Ермольева: наука и жизнь. Ростов н/Д: ИП Ютишев А. С., 2022. 256 с.

Рубаковский И. Гнилой либерализм за счет кровных интересов большевизма // Вечерняя Москва. 1931. № 300. С. 2.

Старосельская Н. Д. Каверин. М.: Молодая гвардия, 2017. 232 с.

Старчаков А. Пролог // Известия Центрального исполнительного комитета Союза ССР и Всероссийского центрального комитета советов. 1931. № 209 (4416). С. 3.

Строганов М. В. Ландшафтные образы и идентичность «воображаемых сообществ» // Степь широкая: пространственные образы русской культуры: материалы Междунар. науч. конф. (Курск, 27–29 июня 2008 г.). Курск: КГУ, 2009. С. 7–28.

Щеглов Ю. К. Проза. Поэзия. Поэтика. Избр. работы / сост. А. К. Жолковский, В. А. Щеглова. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 576 с.

References

Belyaeva, I. A. (2009). Steppe in the structure of space of prose by Turgenev and Goncharov. *Wide steppe: spatial images of the Russian culture*. Proceedings of International Scientific Conference. Kursk, Kursk State University, pp. 59-66. (In Russian).

Degtyarev, V. I., ed. (2003). *The Great Dictionary of the Don Cossacks*: about 18,000 words and stable combinations. Moscow, AST, 608 p. (In Russian).

Kaverin, V. A. (1931). *The Prologue*. Moscow, Leningrad, State Publishing House of Fiction, 86 p. (In Russian).

Kaverin, V. A. (1939). Two Captains. *The Campfire*, no. 38, pp. 36-47. (In Russian).

Kaverin, V. A. (1981). *Complete collected works*. in 8 vols. Moscow, Fiction, vol. 4, 479 p. (In Russian).

Kaverin, V. A. (1982). *Complete collected works*. in 8 vols. Moscow, Fiction, vol. 5, 510 p. (In Russian).

Kaverin, V. A. (1983). *Complete collected works*. in 8 vols. Moscow, Fiction, vol. 8, 463 p. (In Russian).

Kaverin, V. A. (2006). *The Epilogue*. Moscow, Vagrius, 571 p. (In Russian).

Larionova, M. Ch. (2006). *Myth, fairy tale and rite in Russian literature of the 19th century*. Rostov-on-Don, Rostov State University, 256 p. (In Russian).

Mikhailik, E. (2005). "Grenada" by Mikhail Svetlov: where does the young man get his Spanish sadness? *New Literary Review*, no. 5. Available at: <https://magazines.gorky.media/nlo/2005/5/grenada-mihaila-svetlova-otkuda-u-hlopca-ispanskaya-grust.html> (accessed 27 June 2025). (In Russian).

Popova, A. Yu., Kovalev, E. V. and Tverdohlebova, T. I. (2022). *Zinaida Ermolyeva: Science and life*. Rostov-on-Don, Yutishev A. S., 256 p. (In Russian).

Rubakovsky, I. (1931). Rotten liberalism at the expense of the vested interests of Bolshevism. *Evening Moscow*, no. 300, p. 2. (In Russian).

Shcheglov, Yu. K. (2012). *Prose. Poetry. Poetics. Selected works*. A. K. Zholkovsky, V.A. Shcheglova (comp.). Moscow, New Literary Review, 576 p. (In Russian).

Starchakov, A. (1931). The Prologue. *Proceedings of the Central Executive Committee of the USSR and the All-Russian Central Committee of Councils*, no. 209, p. 3. (In Russian).

Staroselskaya, N. D. (2017). *Kaverin*. Moscow, Young Guard, 232 p. (In Russian).

Stroganov, M. V. (2009). Landscape images and identity of the 'imagined community'. *Wide steppe: spatial images of the Russian culture*. Proceedings of International Scientific Conference. Kursk, Kursk State University, pp. 7-28. (In Russian).

Сведения об авторе

Лисица Алла Романовна – младший научный сотрудник лаборатории филологии, lisica@ssc-ras.ru

Information about the Author

Alla R. Lisitsa – junior researcher of the Philology Laboratory, lisica@ssc-ras.ru

Статья поступила в редакцию 30.07.2025; одобрена после рецензирования 18.09.2025; принята к публикации 18.09.2025.

The article was submitted 30.07.2025; approved after reviewing 18.09.2025; accepted for publication 18.09.2025.